

ББК 63.3(2)522-414.13

А.В. Головинов

**Образование в культурно-просветительской программе
сибирского областничества
второй половины XIX – начала XX в.**

Ключевые слова: сибирское областничество, образование, национальная школа, единство, культура, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев.
Key words: Siberian oblastничество, education, national school, unity, culture, G.N. Potanin, N.M. Jadrincev.

Именно сибирские мыслители-областники стояли у истоков разработки новой концепции развития национальной школы, базирующейся на последовательно демократических принципах поликультурного образования. Большое внимание они уделяли так называемому инородческому вопросу и характерному полиэтническому составу сибирского общества. Не случайно приоритетными в областнической концепции были культурные ценности, которые должны были служить гарантом гармонизации межэтнических отношений в регионе, залогом будущего органичного национального согласия, с сохранением основ этнокультурной идентичности каждого из «малых» народов. Поэтому и долг великорусов как представителей самого большого народа империи они понимали по-своему. «Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, – считали идеологи сибирского областничества, – ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума. Ни системы инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. Попытки основания школ были случайные, точно так же, как и доступ инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось и опека над инородцами, столь ревностная в других случаях, здесь совершенно устранялась» [1, с. 233]. Такая самокритика с их стороны свидетельствовала о том, что дело народного образования в Сибири находилось в то время далеко не в удовлетворительном состоянии. Базовым элементом культурно-просветительской программы сибирского областничества являлась идея народности, приоритетная для всех группировок демократической интеллигенции.

Н.М. Ядринцев констатировал: «...вопрос об образовании инородцев выдвигает несколько практических вопросов, требующих внимательного отношения и соображения с положением народности. Эти вопросы состоят, во-первых, в средствах, на которые должны содержаться школы, во-вторых, в принудительности, обязательности или свободном привлечении к образованию и, в-третьих, о самом характере преподавания для инородцев, причем является вопрос о выгодах распространения знания на русском или инородческом языках» [1, с. 247]. Используя принятую областниками терминологию, отметим, что

просвещение инородческого слоя в сибирском обществе было не только важным средством развития всей его этнокультуры, но и способом культурного выравнивания малых народностей Сибири с уровнем, достигнутым относительно более просвещенными этническими группами населения «европеизированной» Великой России. По оценке современных исследователей Ю.В. Попкова и Е.А. Тюгашева, инородческое просвещение для областничества как течения в рамках народнической философии было способом решения «инородческого вопроса» в целом [2, с. 171–176].

В контексте областнических предпочтений в сфере образования заметно выделялся и акцентировался именно его светский характер. В связи с этим результаты миссионерской деятельности существовавших в крае церковных школ оценивались негативно. Система обучения в них, по оценке областников, строилась на основе навязывания внешних по отношению к самим «инородцам» культурных ценностей и притом с ассимиляторской целью. «От инородческих школ, – писал Г.Н. Потанин, – требовали одного – хотели поскорее превратить инородцев в русских крестьян и плательщиков государственного налога» [3, с. 2]. Понятно, что действующая подобным образом система «казенного» церковно-миссионерского образования не могла ставить перед собой такую цель, как формирование гражданского патриотического самосознания. В силу тех же причин она не являлась и фактором прогрессивного развития культуры.

Анализируя и обобщая накопленный фактический материал, областники пришли к осознанию стратегически важной роли образовательного пространства для будущей позитивной интеграции региональных сообществ в процессе взаимодействия культур и цивилизаций. «Народности, – замечал Н.М. Ядринцев, – не сольются, не соединятся в единое гражданское общество, для этого нужны посредствующие звенья, целый ряд посредников, особые объединительные элементы» [4, с. 133]. Образовательное пространство и может помочь народам России творчески адаптировать и ассимилировать лучшие достижения других цивилизаций, существенно обогащая и совершенствуя свою собственную культуру. Поэтому для исследователей-областников это наиболее перспективное звено в системе межэтнических контактов. Его надо всячески развивать и совершенствовать. «Единственное спасение сохранить нам свою национальность, – утверждает Н.М. Ядринцев, ссылаясь на анонимных «местных

публицистов», – и укрепить ее и усвоить цивилизацию, внедрить ее к другим народностям – это образование» [5, с. 409]. Создание соответствующего механизма, способного наладить диалог в образовательном пространстве, должно, по его мнению, в целом обеспечить равноценный культурообмен между разными по своему характеру региональными этнокультурами.

Вместе с тем прагматически мыслящих областников привлекала идея основания в Сибири университета. Они хорошо понимали фундаментальную просветительскую роль высшего образования для формирования патриотизма у местной интеллигенции, а, значит, и для перспективы развития базовых научных предпосылок культуры в крае. «Пора сознать сибирскому обществу, – писал Н.М. Ядринцев, – что образование и цивилизация состоит не в наружном блеске, не в нарядах и рысаках, не в паркетном полотерстве, а в приобретении знания, которое дает только университет!» [6, с. 9]. Собственно еще в Петербурге, куда молодые сибиряки приехали учиться в конце 1850-х гг., начиналась подвижническая деятельность будущих основателей областничества ради осуществления этой исключительно важной идеи. В период своей ссылки Г.Н. Потанин уже теоретически обосновывал необходимость создания крупных интеллектуально-культурных и научных центров в российской провинции. «Наука, – утверждал он, – должна служить обществу, она должна быть средством для улучшения жизни народных масс...». Однако, по мнению Г.Н. Потанина, «чтобы она не потеряла этих целей из виду, необходимо поставить ее под контроль общества, провинции, массы» [7, с. 163]. Наиболее восприимчивой к передовым идеям своего времени, а и в просветительском смысле самой отзывчивой группой провинциального общества областники, не без оснований, считали молодежь. Она представлялась «живым двигателем» культуры, проводником ее ценностей в народной массе. Но серьезной помехой в осуществлении данной миссии оставался, по их оценке, так называемый абсентеизм, достаточно распространенный среди сибирской молодежи. Решить эту проблему могло бы открытие университета. Областники были убеждены, что такое потенциально мощное «культурное гнездо» (по терминологии Н.К. Пиксанова), каким станет университет, поможет подготовке и выращиванию целой генерации молодых патриотов, призванных сохранять и развивать собственную культуру, создавая «зародыш цивилизации в Азии».

Деятели областнического движения выступали за развитие в крае системы женского образования. «Гендерная» проблематика находилась, впрочем, уже одной из центральных тем как в теоретических поисках, так и в практической общественной деятельности многих русских мыслителей-демократов начиная со второй половины XIX в. Тема взаимосвязи реального статуса женщины с уровнем культурного развития и демократич-

ности того или иного сообщества, раскрытия и осмысления самой этой взаимосвязи активно дискутировалась в российской общественной мысли XIX в. [8]. Точно так же и областники отстаивали право женщин на получение образования, которое помогло бы вовлечь их в активную культурную жизнь провинции. «Для женщины, – отмечал Н.М. Ядринцев, – важно и необходимо высшее образование, во имя разумного и рационального воспитания». В своем фундаментальном труде «Сибирь как колония» в числе важнейших задач преодоления культурной отсталости сибирского региона он называл и организацию современных структур женского образования [5, с. 615]. Хотя проблемы женского образования и участия женщин в культурно-просветительской деятельности лидеры областнического движения специально не разрабатывали, но реконструкция их идеологических позиций в целом позволяет сделать вывод о том, что участие женщины в общественной жизни областники считали важным потенциальным резервом социокультурного развития провинции.

Основную задачу в процессах образования, воспитания и просвещения областники видели в краеведческой работе, понимая, что это мощное средство воспитания патриотов. Несмотря на своеобразие проявления тех или иных тенденций, региональная история есть часть национальной истории. Областники были убеждены, что история любого локального социума неразрывно связана с прошлым и настоящим всей страны.

Важным пунктом реалистичной социальной педагогика сибирских областников можно считать проблемы воспитания. Образование для сибирских интеллигентов-областников – это не только трансляция информации и не столько апелляция к интеллекту, сколько к нравственным чувствам и к неповторимому внутреннему миру человека. Для областников это также способ культурного совершенствования общественного организма. Содержание воспитания направлено на глубокое нравственное самосовершенствование личности. Его содержание, по формулировке Г.Н. Потанина, немыслимо без «всесторонности культивированности человека и его нравственных свойств» [9, с. 4]. С этой целью Потанин обращается к проблемам начальной школы, которая призвана решать основные задачи воспитания. Так, идея концентрического родиноведения была направлена на воспитания чувств местного патриотизма и самосознания собственной культуры. Идея родиноведения выступала базисом формирования мировоззренческих основ провинциальной культуры. «Концентрическое родиноведение», по определению Л.И. Смокотиной, выступает органической частью культурологических разработок областничества [10, с. 30–31]. По мнению Г.Н. Потанина, образование должно состоять в описании мира «концентрическими кругами». Первый круг: окрестности школы, физическая география их и жизнь в них человека. Второй круг: область в физическом и социальном отношении. Третий круг – Россия [11, с. 141].

Потанин обращается к проблемам начальной школы, понимая, что воспитанием гражданско-патриотических чувств надо заниматься с раннего детства. Теория родиноведения выражала принцип региональных историко-культурологических исследований сибирских областников. В научно-теоретическом плане идея «концентрических окружностей» выступала своеобразным методом, позволяющим выявить центральные векторы, по которым распространялось то или иное культурное влияние из центра на периферию и наоборот. Отметим, что метод региональных исследований активно применялся в историко-культурологических разработках зарубежных авторов. Среди них можно выделить видного западного культурантрополога Л. Уайта. Данный автор настаивал на перемещении интересов с микроуровня отдельных культур на их макроуровень. По его мнению, приоритетными следует считать направления, связанные с проблемами эволюции отдельных культур. «Концентрические окружности» Г.Н. Потанина с культурно-воспитательной точки зрения также позволяли последовательно формировать этнокультурное сознание народа, начиная с конкретного места, продолжая регионом, страной и заканчивая миросистемой. Кроме того, вооружившись народнической теорией малых дел, идеологи областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин подходили к исследованию культуры и проблемам ее развития, детализируя ее региональные формы. Сама же теория окружностей выражала системное, интегративное мышление лидеров областнического движения и определяла то, что социокультурное развитие многонационального государства возможно с развитием ее отдельных социокультурных миров.

Областники не были первооткрывателями родиноведения как принципа развития местной культуры. Мысль о необходимости преподавания родиноведения появилась в русском обществе еще в начале 60-х гг. XIX в. Однако Г.Н. Потанин пришел к мысли о необходимости преподавать «концентрическое родино-

ведение» в российских школах независимо от педагога С.Е. Миропольского. Несмотря на безусловный интерес Потанина к преподаванию родиноведения, практически осуществить свое желание он смог, когда попал в ссылку. Именно в период ссылки возникла концептуальная схема данной идеи. Тогда, обучая детей прямо у себя на квартире, он смог впервые опробовать свои идеи этого национально-регионального принципа воспитания на практике. Г.Н. Потанин разрабатывал учебник, который впоследствии был написан, но так и не издан.

Итак, согласно историко-культурным разработкам основателей областничества, наиболее действенным средством интеграции всех интеллектуально-культурных сил региона для его социокультурного развития могла бы стать система национальных общеобразовательных школ, в которых «инородческое» население получало доступ к ценностям русской и мировой цивилизации. С точки зрения сибирских патриотов, образование и просвещение имеет два аспекта, одновременно выступая и как способ выработки органичного механизма социокультурного развития и как своеобразный индикатор уровня общекультурной ситуации в данном социуме. Культурно-просветительская областническая программа рубежа XIX–XX вв. включала в себя пункт, согласно которому образование и есть приоритетный, наиважнейший источник будущего роста самосознания в обществе, главное условие развития в нем начал гражданственности. Учитывая региональные этнокультурные особенности народонаселения Сибири, областники защищали и отстаивали демократическую идею о создании полноценных светских общеобразовательных школ для так называемых инородцев, с преподаванием учебных дисциплин на родном и русском языках. Реализация этой программной идеи, как они считали, в свою очередь, могла бы способствовать свободному саморазвитию формировавшегося полиэтнического сибирского общества.

Библиографический список

1. Ядринцев, Н.М. Сибирские инородцы их быт и современное состояние / Н.М. Ядринцев ; под ред. С.Г. Пархимовича. – Тюмень, 2000.
2. Попков, Ю.В. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства / Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев. – Салехард ; Новосибирск, 2006.
3. Потанин, Г.Н. Новый курс в деле инородческой школы / Г.Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1915. – 8 апр.
4. Ядринцев, Н.М. Чем мы покорили Среднюю Азию / Н.М. Ядринцев // Сборник избранных статей и фельетонов Н.М. Ядринцева. – Красноярск, 1919.
5. Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1889.
6. Ядринцев, Н.М. Общественная жизнь Сибири / Н.М. Ядринцев // Сборник избранных статей и фельетонов Н.М. Ядринцева. – Красноярск, 1919.
7. Потанин, Г.Н. О необходимости умственных центров в провинции / Г.Н. Потанин // Потанин Г.Н. Избранные сочинения : в 3 т. Т. 2: Общественно-политические произведения. – Павлодар, 2005.
8. Шабалкина, К.В. Русские мыслители XIX века о роли женщины в обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук / К.В. Шабалкина. – Мурманск, 2007.
9. Потанин, Г.Н. Современные неотложные задачи воспитания / Г.Н. Потанин // Сибирская жизнь. – 1919. – 19 сент.
10. Смокотина, С.М. «Концентрическое родиноведение» как органическая часть культурологических разработок Г.Н. Потанина / С.М. Смокотина // Вестник ТГПУ. – 2008. – Вып. 2 (76).
11. Письмо А.С. Гацискому от сентября 1874 г. // Письма Потанина Г.Н. : в 5 т. – Иркутск, 1988. – Т. 2.